

А.Э. БАХМЕТЬЕВ

ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ИНТУИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена исследованию интуитивного познания, имеющего философскую интенциональность. Проанализированы ключевые философские концепции, которые определяют онтологизацию интуитивного познания. Основной акцент исследования сделан на изучение системного статуса интуитивного познания в истории философской мысли, а также на соотношение интуиции и интеллекта.

Ключевые слова: *бытие, интуиция, мышление, созерцание, форма, материя, воля, энтелехия, интеллект, экзистенция*

Бахметьев Артур Эдуардович – очный магистрант кафедры теории и истории литературы, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва. E-mail: arturbakhmetiev1993@gmail.com

A.E. BAKHMETEV

ONTOLOGIZATION OF INTUITIVE KNOWLEDGE

The article is devoted to the study of intuitive knowledge, which has philosophical intentionality. Key philosophical concepts that define ontologization of intuitive cognition are analyzed. The main emphasis of the research is on the study of the systemic status of intuitive knowledge in the history of philosophical thought, as well as the ratio of intuition and intelligence.

Keywords: *being, intuition, thinking, contemplation, form, matter, will, entelechy, intellect, existential*

Arthur E. Bakhmetev – undergraduate student at the Department of Theory and History of Literature, Samara National Research University n.a. acad. S.P. Korolev. E-mail: arturbakhmetiev1993@gmail.com

Историко-философский процесс демонстрирует выраженную диалектику традиции и новации, предполагающую выявление проблемного вектора, преобразующего тематический базис. Системный статус интуиции в истории мысли проблематичен как с точки зрения внутренних понятийных связей той или иной философской концепции, так и в плане динамики макроконтекстуального образования. Эта проблемная коллизия ставит перед теорией задачу по аналитическому извлечению интуитивных элементов из историко-философского процесса на основании показателя их системной релевантности и по реконструкции их фазовых переходов, что делает востребованной методологическую диахронию, раскрывающую последовательную смену приоритетов в позиционировании проблемы интуиции.

Интуиция как особая форма познания, находится в проблемном средоточии онтологии и гносеологии, системное единство которых в абстрактной форме позиционировалось в метафизике классического рационализма.

Метафизика этого периода, как пишет Г.В.Ф. Гегель, характеризовалась тем, что «рассматривала определения мышления как основные определения вещей»

[3, с. 134]. Всё сущее познаваемо и мыслимо исключительно в себе. Но эти определения для метафизики являлись абстракциями, которые значимы для себя и могут быть предикатами истинного. Метафизика полагала, что познать абсолютное можно, если приписать ему предикаты. Здесь доминировала предпосылка наивной веры, через которую становится ясным, что мышление постигает вещи из наивного подражания предикации. В метафизике классического рационализма человеческая душа и природа вечны и неизменны, следовательно, если они изменяются, то вещи в себе представляются не такими, какими они являются. Докантовская метафизика имела определённые лимиты, а именно не выходила за пределы рассудка. По сути, если метафизика предписывала предикаты, к примеру, Богу, то это лишь внешняя рефлексия, так как определения приписываются только внешним образам. Но стоит заметить, что прочное представление о таких понятиях, как душа, мир, Бог, которые имеют достаточно различные значения, может быть достигнуто посредством рефлексии. Эта метафизика не была свободным мышлением, потому что она не давала возможности определять саму себя. Метафизика до Канта постигала элементы разума в конечных и абстракт-

ных представлениях рассудка, увековечивая себя в критериальном плане аналитической истинности.

Обращение к интуиции в этот период было обусловлено необходимостью разрешить проблемы метафизики. В классическом рационализме интуиция понимается как синтез чувственности и интеллекта. Противопоставление интуиции недостоверному рассудочному и чувственному знанию замечается в трудах многих мыслителей Нового времени.

Первым мыслителем, который говорил об идее рациональности, является немецкий философ Николай Кузанский. Он предвосхитил идею рациональности, возникшую уже после него. Николай Кузанский говорил об интуитивном характере мысли. Именно Николай Кузанский привнёс интуиции интеллектуальную направленность. Интеллектуальная интуиция является по мысли Николая Кузанского высшим созерцанием. Интуиция акцентирует своё внимание на постижении бесконечности, трансцендентности и абсолютных объектов. Данные операции не под силу рассудку. Тем самым подчёркивается интеллектуальный характер интуитивного познания, а не чувственное, так как через интеллект возможно постижение бесконечного, абсолютно и трансцендентного. Интеллектуальная интуиция включает в свой фокус всю полноту знания в одной точке, при этом она не разбивает эту целостность на противоположные части, то есть интеллектуальная интуиция является единым целым. Как пишет Николай Кузанский: «всё есть одно и одно есть всё» [8, с. 188]. Тем самым, интуиция является в данном случае завершением познавательного процесса, говоря иначе, его точкой. Именно интуиция даёт ключ к достижению и видению истины.

После Николая Кузанского интеллектуализация интуиции не потеряла своего значения. Интеллектуализация есть процесс познания, в котором мы абстрагируемся от своих чувств и даём волю интеллекту, дабы привести в мышление систематичность. Правда, мы находим элементы интеллектуализации ещё у классических рационалистов, которые были развиты у романтиков и таких корифеев немецкой классической мысли, как И.Г. Фихте и Ф.В.Й. Шеллинг. Что касается Канта и Гегеля, то интуиция в их учениях ограничена действием иных системных факторов. В чём суть интеллектуальной стороны в интуиции, будет понятно из концепций некоторых видных романтиков и немецких классиков.

Фихтеанская концепция интуиции была связана с диалектикой и обоснованием единства самосознания в концепции Наукоучения. У Фихте представление называется интуицией. Интуицию как интеллектуальное созерцание использует в своей философии Фихте, который говорит о ней так: «оно есть непосредственное сознание того, что я действую, и того, что за действие я совершаю» [13, с. 489]. Интеллектуальная интуиция у Фихте является созерцанием самого себя через акт, из которого возникает «Я». Тем самым непосредственное сознание выступает в качестве интеллектуальной интуиции, где «Я» само себя полагает, в связи с этим объективное и субъективное слиты в единую структуру. Следовательно, интуиция есть созерцание одной действительности, и самая эта деятельность постоянно изменяется. Подчёркивается у Фихте непосредственный характер нечувственного и интеллектуального созерцания.

Об интуиции рассуждали романтики, такие как Ф. Гёльдерлин, Новалис и Ф. Шлегель. У романтиков происходит переход от гносеологического монизма Фихте к иронической редакции интуитивизма. У романтиков интуиция связана с иронией и эмпатией. Можно сказать, что интуиция бывает двух видов: 1) ироническая и 2) эмпатическая. Гёльдерлин первым из романтиков интеллектуальное созерцание в фихтеанском ракурсе превращает в эстетический процесс, но ещё пока в мифологизированном виде. Созерцание или же непосредственность в интеллекте превратились в переживание, наглядно-чувственное и художественное. Если провести параллель с Фихте, касаясь абсолютного «Я», то Гёльдерлин понимал его так, что оно раскрывается «эстетически, в интеллектуальном созерцании» [4, с. 480]. Мир воспринимается Гёльдерлином эстетически, то есть как воплощение и выражение красоты. В концепции Гёльдерлина функциональным аналогом фихтеанского «Я» становится «Отец Эфир», в стихии которого заключена возможность интуитивного тетического акта духа.

Ироническая интуиция находит своё место в творчестве первого поколения немецких романтиков. Ирония позволяла обнаруживать неразрешимые противоречия, которые были заключены во всех вещах. Теоретик йенского романтизма Новалис под интуицией понимал непосредственное проникновение, которое свободно от рационализма. Не наукой и разумом можно познать реальность, а интуицией. Виды художественных жанров есть воплощения интуитивной деятельности,

например, поэзия, которая «на деле есть абсолютно-реальное» [10]. Интуиция является мостиком между идеальным и реальным бытием. И это говорит в пользу того, что вся художественная деятельность является интуитивной в контексте романтического двоемирия.

Шлегель Ф. рассуждал об иронии, которая является единственным путём к адекватному созерцанию. Шлегель интерпретировал иронию как «ясное сознание подвижности, бесконечно полного хаоса» [15, с. 286-287]. Иронию можно рассмотреть с онтологической и гносеологической точек зрения. Онтологически ирония есть открытость вещи или идеи. Гносеологически ирония является собой диалектическое мышление, которое восходит от конкретного к абсолютному. В учении Шлегеля, как в учении Новалиса, присутствует ироническая интуиция, позволяющая постичь снятие конечности вещей. Идея – одна из составляющих иронии, в которой понятие возвышается до своих регулятивных моментов. Шлегель называет поэзию произволом автора, иронизирующего над конечностью своего замысла. Художественная деятельность интуитивна.

Шеллинг Ф.В.И. использовал интуицию для диалектического решения противоречия между свободой и необходимостью, которое полагалось неразрешимым, если исходить из логики рассудка. По Шеллингу, интеллектуальная интуиция есть ключ к разрешению разных диалектических противоречий, например, разрешение противоречий абсолютно-го и относительного, бесконечного и конечного, необходимости и свободы и т.п. Шеллинг считал интуицию особенной способностью, которая даётся только гениям, их он называл избранниками духа. Происходит это «путём внезапного совпадения сознательной и бессознательной деятельности» [14, с. 388]. Интеллект как таковой соединяет в своём созерцании бытие и деятельность. Через интеллектуальную интуицию как непосредственное знание мы созерцаем абсолютное тождество объективного и субъективного.

Интуиция предстала несколько в другом качестве в посткритическом иррационализме, который выступает против интеллектуализации интуиции. Интуитивные мотивы мы можем найти и в учении о бессознательном Э. фон Гартмана, которое опирается на идеи Шопенгауэра. У Гартмана мировая воля, будучи характерной чертой философии Шопенгауэра, изменилась на «бессознательное», о котором пишет отечественный мыслитель

В.С. Соловьёв: «Метафизическое начало есть воля, соединённая с представлением, – представляющая воля» [12]. По мнению Гартмана, воля и представление даны исключительно в индивидуальном сознании, тем самым они принадлежат миру явлений. Представление и воля в «бессознательном» едины. Если же рассматривать волю и представление как всеобщие первоначала, то лежать они будут уже за пределами нашего индивидуального сознания. А попытаться познать «бессознательное» и узреть его мы можем интуитивно. Гартман выделяет основные признаки «бессознательного»: 1) оно образует организм и руководит его действиями; 2) сохраняет организм; 3) ведёт к совершенству; 4) удовлетворяет чувствам; 5) ведёт к ощущению чего-то сверхчувственного; 6) дарит красоту и чувство творчества. Стоит отметить, что «бессознательное» не умеет страдать. Оно вечно и нечувственно. «Бессознательное» не ошибается, следовательно, совершенно. Мыслит «бессознательное» всё в одно мгновение и схватывает полностью изучаемый объект. Эти представления получили дальнейшее развитие в русле традиции посткритического иррационализма XIX века.

Немецкий философ Р.К. Эйкен считал, что интуиция нам нужна для того, чтобы человек преодолел свою материальную природу и достиг духовного совершенствования. Интуиция осуществляет достижение истины. Благодаря духовной работе интуиция способна развиваться, то есть расширять свой спектр познания, даже уходя в недоступные чувствам. Эйкен пишет: «Чем больше продвигается вперёд духовная работа, тем отчётливее выясняется, что это очевидное содержит в себе множество условий» [16, с. 17], то есть происходит развитие нашего интуитивного познания, которое в дальнейшем схватывает уже всё жизненное целое. Эйкен связывает это с религией, где человек должен двигаться к духовному совершенству, и интуиция является здесь помощником. Религия выступает в качестве способа достижения бессмертия.

Интуицию пытались объяснить и с биологической точки зрения. Это хорошо видно в учении об энтелехии Г. Дриша. Он определяет основную задачу биологии и разрабатывает новое направление под название витализм. Витализм является учением, которое говорит о том, что в живых организмах присутствует нематериальная сверхъестественная сила. Целесообразность, по мнению Дриша, является результатом закономерностей жизненных явлений. Энтелехия являет-

ся жизненной силой, открывающей в существе его природу, его естество. Но энтелехия не имеет образной оформленности, у неё отсутствует пространственный фактор. Как пишет Дриш: «Энтелехия может быть только мыслима» [5, с. 259], но стоит отметить, что мыслима интуитивно, потому что она не имеет никаких видов пространственных отношений. Энтелехия позволяет живому управлять материей для определённых личных целей. От энтелехии зависит целостность и гармония между частями, она собирает их в единое целое.

Провозвестником поворота к оккультному пониманию проблем интуиции был К. Дюпрель, пытавшийся предложить программу научного анализа оккультных феноменов, исходя из имитации позитивистских нормативов научности применительно к спиритизму. Сам по себе этот подход выглядит сегодня курьёзом, но Дюпрель предлагал вполне связанное обоснование, исходящее из интуитивистских программных установок. Говоря о самосознании, Дюпрель исходит из следующей теоретической декларации: «Наше самосознание освещает отнюдь не всю сторону нашего существа» [6, с. 29]. И только интуиция, по мнению философствующих оккультистов, сообщает сущностное единство эмпирического и трансцендентного в прецедентах человеческой экзистенции.

Интуиция несколько иначе предстала в посткритическом иррационализме. О данном факте свидетельствует концепция французского мыслителя А. Бергсона, который определял интуицию в качестве инструмента, воссоздающего реальность. Интуиция, по мысли Бергсона, позволяет познать реальность и раскрыть её суть. Тем самым, интуиция является предельно точным познанием, говоря иначе симпатией. Бергсон интерпретировал интуицию как инстинктивный стимул творчества. Бергсон пишет, что «Интуиция – это ставший бескорыстным инстинкт, способный рефлектировать по поводу собственного объекта и неопределённо наполнять его» [1]. И только через интуицию происходит вовлечение нас в жизненный порыв. Главное отличие посткритического иррационализма от классического рационализма заключается в том, что у иррационализма интуиция выступает в чёткой оппозиции интеллекту, иначе обстояло дело у рационалистов. Интуиция как симпатия схватывает предмет изнутри, а интеллект мыслит поверхностно и он не может во всей полноте схватывать жизненный порыв.

Продолжает традицию посткритического иррационализма концепция итальянского мыслителя Б. Кроче, который аналогично ставит интуицию в оппозицию интеллектуальному познанию. Кроче понимает интуицию в качестве выражения. Благодаря интуиции, мы выражаем реальность. Интуиция имеет творческий характер, то есть она является носителем эвристической функции. Если интуиция эвристична, то она схватывает и производит всё неповторимое и уникальное. Интуиция, как пишет Кроче: «Не нуждается в господине» [7, с. 4], так как она сама производит образы. Образ без выражения не существует. Интуиция соединяет нас с реальностью. Таким образом, интуиция может существовать без интеллекта, так как интуиция есть выражение. Следовательно, интуиция в концепции Кроче носит онтологизирующий характер и, несомненно, задаёт и видит онтологические лимиты. Интуиция объединяет онтологию и эстетику, так как через интуицию мы улавливаем идею и затем её выражаем.

Вершиной онтологизации интуиции, которая позволяет увидеть и задаёт онтологические пределы, является собой концепция немецкого мыслителя Н. Гартмана. Он ставит интуицию в центр своей онтологической концепции. Гартман пишет, что интуиция «с полным правом является формой схватывания (познания)» [2]. Однако Гартман говорит о том, что идеальное познание не даёт полноценную ясность в выявлении собственного критерия истинности. Он разводит понятие идеальное и реальное, но интуиция в его концепции является связью между идеальным бытием и реальным. Таким образом, на основе этой дифференциации он выделяет два типа интуиции, а именно стигматическую и конспективную. Стигматическая интуиция является своего рода подобием апостериорным познанием. Данная интуиция не имеет дело с символическими структурами. Она созерцает целое во всей его полноте. Данный тип интуиции не акцентирует внимание на связи между комплексами объектов и образов. Конспективная интуиция рассматривается Гартманом более масштабно и разнообразно. Конспективная интуиция устремляет свой взор на логическое мышление, которое, несомненно, именуется как чистое мышление. Данный тип, хотя и имеет дело с логическим мышлением, но не сводится к нему. Конспективная интуиция не имеет чётко заданную интенцию, а воплощается в том, что рассматривает разносторонние и противоположные отношения. В частности, она

сочетает индукцию с дедукцией, анализ с синтезом и т.д. Конспективная интуиция воплощается в горизонтальном, а не вертикальном направлении, то есть она функционирует как в противопоставлении частного и общего, так и в разнообразии связей разного рода структур. Таким образом, по Гартману, интуиция есть высшее созерцание. Интуиция не действует однообразно, а предполагает набор разных действий и совершается исключительно в момент эстетического восприятия. Тут Гартман схож во взглядах с Кроче, который отводит интуиции основообразующую роль в эстетике выражения. Если опираться на конспективную интуицию, то возможно раскрытие разносторонности и мобильности диалектического мышления. Но важным для данного типа интуиции являются законы идеального бытия или же «чистого» мышления, которое становится источником идеального знания. Тем самым, по Гартману, существует источник внеопытного знания.

Особое место в интуиции занимает семиотический фактор. Интуиция позволяет видеть проблемную ситуацию и её механизмы. Как пишет А.Ю. Нестеров: «Механизмы формирования проблемной ситуации, приводящей к становлению человека человеком, определены языком и деятельностью (техникой)» [9, с. 436]. Интуиция создаёт определённую модель. Таким образом, интуиции просто необходимы язык и техника. Интуиция фиксирует реальность, которая, согласно А.Н. Огневу «...устанавливает отношение принципиальной координации, распознаваемое в эффекте необходимой связи» [11, с. 73].

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

Интуиция Фихте, пройдя через романтическую школу, а затем в трансцендентальном идеализме Шеллинга, предстала предельно сложным и эвристичным типом познания.

Интуиция стала рассматриваться и мифологически, и эстетически, тем самым распространилась и в эстетическую плоскость.

Концепции немецких классиков и романтиков заложили основу для развития интуитивизма в XX веке, сохранив системные онтологические лимиты интуиции в снятом качестве оппозиции эмпатического и иронического аспектов интуиции.

Онтологизация является ключевым фактором интуитивного познания.

Через онтологизацию интуиция воплотилась в целостное философское направление – интуитивизм, который отвёл интуиции, определяющую роль в познании универсума.

Интуиция рассматривается дальше как некий конструкт, который занимает срединное положение между идеальным и реальным.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер с фр. В.А. Флеровой. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bergs/02.php
2. Гартман Н. К основоположению онтологии. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000361/index.shtml>
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
4. Гёльдерлин Ф. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1969. – 543 с.
5. Дриш Г. Витализм. Его история и система. – М.: ЛКИ, 2007. – 280 с.
6. Дюпрель К. Загадочность человеческого существа: введение в изучение оккультных наук. – М.: Либроком, 2010. – 128 с.
7. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. – 172 с.
8. Кузанский Н. Избранные философские сочинения. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 364 с.
9. Нестеров А.Ю. Техника в постсингулярном мире (В. Виндж, Д. Симмонс на фоне «Академии» А. Азимова) // Третьи Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной с международным участием памяти Станислава Лема. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2016. – С. 434-471.
10. Новалис. Фрагменты. – URL: http://www.lib.ru/INOOLD/GARDENBERG/novalis_fragments.txt
11. Огнев А.Н. Теоретические предпосылки и перспективы онтогносеологии // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 7-8. – С. 71-77.
12. Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х тт. – М.: Мысль, 1990. – URL: <http://www.rodon.org/svs/kzf.htm#a4>
13. Фихте Г. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
14. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.
15. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2-х тт. – М., 1983. – Т. 1. – 360 с.
16. Эйкен Р. Основные проблемы современной философии религии. – М.: Либроком, 2010. – 80 с.